

© 1991 г.

ХРАКОВСКИЙ В. С., ОГЛОБЛИН А. К.

ГРУППА ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ ЛО ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРИНЦИПЫ. РАБОЧИЕ ПРИЕМЫ

В апреле 1991 г. исполнилось тридцать лет группе типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР, основанной проф. А. А. Холодовичем. В настоящее время группа фактически представляет собой коллектив языковедов, который иногда называют «школой Холодовича» или «ленинградской типологической школой» [1]. Ядро группы составляют ее штатные сотрудники: Агус Салим, Т. Г. Акимова, Л. А. Бирюлин, И. Б. Долинина, Н. А. Козинцева, Е. Е. Корди, В. П. Недялков, М. А. Смирнова, Н. М. Спатарь, руководитель группы В. С. Храковский. Кроме них, в работе группы более или менее регулярно принимают участие сотрудники других отделов ЛО ИЯ АН СССР: Н. Б. Вахтин, А. П. Володин, Е. В. Головкин, Д. М. Насилов, И. В. Недялков, И. А. Перельмутер и др., а также сотрудники других научных учреждений: И. С. Быстров, В. Б. Касевич, А. К. Оглоблин, Г. Е. Рачков, С. Е. Яхонтов (Восточный факультет ЛГУ), В. М. Алпатов (Институт востоковедения АН СССР, Москва), Э. Ш. Генюшене (Вильнюсский университет), Х. Ф. Исхакова (Институт языкознания АН СССР, Москва), В. П. Литвинов (Пятигорский педагогический институт), Г. А. Отаина (Дальневосточный центр АН СССР, Владивосток), С. М. Кибардина (Вологодский пединститут), Ю. П. Князев (Новгородский пединститут), Г. Г. Сильницкий (Смоленский пединститут), Н. В. Станкевич (Ханойский университет) и др.

Авторы этой статьи являются сотрудниками группы с момента ее основания. Цель предлагаемой публикации они видят прежде всего в том, чтобы познакомить читателя с теоретической программой группы, реализуемой в ее коллективных монографиях¹. Эта программа была сформулирована проф. А. А. Холодовичем еще в 60-х годах. И тем не менее она не утратила своей актуальности и в наши дни. В 1977 г. проф. А. А. Холодовича не стало. Целый ряд коллективных монографий группы увидел свет уже после кончины ее создателя. В этих работах рассматриваются разные проблемы, привлекается новый языковой материал, однако теоретическая направленность и исследовательские принципы в основном остаются неизменными. Это, очевидно, требует пояснений в период, когда в языкознании происходит смена ведущих теоретических установок. В меньшей степени авторы намерены касаться научных результатов.

¹ Все опубликованные коллективные монографии указаны в приложении. Кроме того, в печати находится коллективная монография «Типология императивных конструкций».

полученных в опубликованных работах, полагая, что эту задачу должны решать не участники исследований, а критики и рецензенты². Вместе с тем нам хотелось бы привлечь внимание к специфическим особенностям отдельных публикаций разных лет. В целом данную статью можно рассматривать как продолжение нашей предыдущей работы, посвященной творческому наследию А. А. Холодовича [9].

Феномен создания в 1961 г. проблемной группы типологического изучения языков³ следует рассматривать в контексте своего времени с учетом той обстановки, которая сложилась в нашей стране в конце 50-х годов. Хрущевская «оттепель» пробудила стремление к обновлению во всех сферах общественной жизни. Заметных успехов добились естественные науки: математика, физика. Подъем переживали космические исследования — полным ходом шла подготовка к полету человека в космическое пространство. Новые веяния коснулись и гуманитарных наук, а в их числе и языкознание, судьба которого в то время была весьма плачевной. В конце 40-х годов языкознание было сковано бесплодной доктриной «нового учения о языке» и деморализовано кампанией «борьбы против низкопоклонства перед Западом». После известной дискуссии 1950 г. развитие лингвистической теории сдерживалось простецкими рассуждениями «вождя народов», немедленно помещенными на «зияющие высоты» советской науки⁴. Лишь после 1953 г. ситуация в языкознании изменилась в лучшую сторону и возникла благоприятная обстановка для развития творческих поисков лингвистической мысли.

Железный занавес был приподнят, и языковеды, освобожденные от догм, претендовавших на абсолютную истину, обратились к контактам с мировой лингвистикой, которые практически в значительной степени были ослаблены с начала 30-х годов⁵. На русский язык переводятся как труды структурального направления, занимающего важное место в научной парадигме первой половины XX в. («Основы фонологии» Н. С. Трубецкого, «Введение в дескриптивную лингвистику» Г. Глисона), так и серьезные труды других направлений («Принципы истории языка» Г. Пауля, «Общая лингвистика и вопросы французского языка» Ш. Балли, «Философия грамматики» О. Эсперсена). В 1960 г. В. А. Звегинцев основывает существующую и в наши дни серию переводов «Новое в лингвистике» (современное название «Новое в зарубежной лингвистике»), которая играла и играет важную роль, знакомя советских ученых с наиболее интересными работами зарубежных языковедов. Для развития лингвистического кругозора оказалась полезной основанная в 1959 г. серия «Языки народов Азии и Африки», хотя уровень описания материала во многих работах этой серии оставляет желать лучшего. Воображение многих захватили идеи машинного (автоматического) перевода, которые впервые были высказаны на Западе в 1946 г., а в 1949 г. в США впервые применены на практике [11; 12, с. 6]⁶.

² См. следующие рецензии на работы группы [2—8].

³ Первоначально группа называлась группой структурно-типологического изучения языков, однако в конце 70-х годов, в период усиленной борьбы со структурализмом, это название было заменено на ныне существующее.

⁴ О реакции А. А. Холодовича на сталинский опус см. воспоминания Юрия Рытхэу [10].

⁵ Следует отметить, что именно в 30-е годы на русский язык были переведены такие значительные работы, как «Курс общей лингвистики» Соссюра, «Язык» Э. Сепира, книги Ж. Вандриеса и А. Мейе.

⁶ Справедливости ради следует отметить, что еще в 1933 г. идея машинного перевода была высказана советским изобретателем П. П. Троянским [12, с. 26; 13, 14].

Знакомство с новыми проблемами, успешно разрабатывавшимися зарубежными лингвистами, поставило в повестку дня вопрос о том, каким образом советские лингвисты могут наиболее успешно подключиться к решению этих проблем. По этому вопросу, с нашей точки зрения, было найдено наиболее разумное решение, а именно — в языковедческих институтах АН СССР были созданы специальные секторы и группы для разработки различных проблем структурного языкознания, лингвистической типологии и машинного перевода: сектор Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова в Институте славяноведения, сектор С. К. Шаумяна в Институте русского языка, сектор А. А. Реформатского в Институте языкознания, группа Ю. К. Лекомцева в Институте востоковедения, группа Н. Д. Андреева и группа А. А. Холодовича в Ленинградском отделении Института языкознания⁷.

К ученым старшего поколения, принявшим деятельное участие в создании этих групп, принадлежат А. А. Реформатский и А. А. Холодович, которые еще в 30-е годы познакомились со структурной лингвистикой и приняли ее основные идеи.

В вышеупомянутой статье, посвященной творческому пути А. А. Холодовича, мы уже писали о том, как формировались теоретические интересы этого замечательного востоковеда и лингвиста, который и по своему личному дарованию был склонен к строгому, логически выдержанному размышлению над явлениями восточных языков, не укладывающимися в рамки сложившихся теоретических представлений, основанных на ограниченном материале западных языков. На формирование А. А. Холодовича как ученого помимо структурализма оказали влияние и русское теоретическое языкознание XIX — нач. XX в., и отечественное японоведение, и идеи формализма, развивавшиеся в гуманитарных науках, и творческая атмосфера Института речевой культуры и других языковедческих учреждений в 20-х годах. В 30-х — нач. 50-х годов А. А. Холодович занимался разработкой конкретных вопросов японского и корейского языков — области, мало доступной ревнителям идейной чистоты в языкознании. И хотя любые конкретные вопросы всегда решались им на основе общетеоретического подхода, он в эти годы со свойственной ему осторожностью сравнительно редко выступал на общие темы. Однако после того как в языкознании на какое-то время были сняты запреты с теоретических исследований, не укладывающихся в господствующую доктрину, А. А. Холодович приходит к решению вплотную заняться универсальной синтаксической теорией и разрабатывает проект создания в этих целях специальной проблемной группы. Таким образом, научные устремления А. А. Холодовича вполне отвечали велению времени: он выступает с идеей создания проблемной группы именно тогда, когда это было и необходимо, и возможно.

А. А. Холодович проявил себя как умелый организатор науки. Во-первых, он сформулировал принцип формирования проблемных групп, который был подробно рассмотрен нами в уже упомянутой статье [9]. Напомним лишь, что он уподоблял такую группу строительной бригаде, работающей под началом архитектора, или конструкторскому бюро, руководимому главным конструктором. Во-вторых, он очертил в первоначальном варианте и область теоретических изысканий для будущего научного коллектива.

⁷ Кроме того, в ряде вузов были организованы специальные отделения, в частности, на филологическом факультете МГУ — Отделение структурной и прикладной лингвистики, а на филологическом факультете ЛГУ — Отделение математической лингвистики.

Эта область была намечена в его статье «Опыт теории подклассов слов», впервые опубликованной в 1960 г. [15, с. 228 сл.] и пользовавшейся в то время широкой известностью. Во втором и третьем разделах этой статьи эскизно намечается теория синтаксических конструкций с финитным глаголом, занимающим центральную (ядерную) позицию в этих конструкциях (состав конструкции, классификация конструкций, отношения между конструкциями, операции с конструкциями, позволяющие выделить подклассы глаголов по валентности и значению). Специфика этой вербоцентрической концепции состоит в том, что в ней была введена довольно развитая система синтаксических понятий универсального характера (ядро, окружение, конфигурация, место и др.). Идеи, близкие концепции А. А. Холодовича, в дальнейшем развивает Ю. Д. Апресян в своем монографическом исследовании, опубликованном в 1967 г. [16], где семантика русских глаголов выявляется в связи с их дистрибуцией в конструкциях и с трансформациями этих конструкций⁸.

Впоследствии, когда в 1961 г. группа под руководством А. А. Холодовича была создана (первоначально в эту группу вошли В. П. Недялков и В. С. Храковский) и началась разработка плана практических исследований, исходная программа претерпела некоторые изменения. Было признано целесообразным сосредоточиться на типологическом изучении грамматических категорий глагола, связанных с синтаксисом предложения. Конкретизируя этот тезис, следует указать, что исходным объектом исследования были избраны глагольные конструкции, связанные трансформационными и деривационными отношениями типа (1) а) *Мальчик прочитал письмо* → б) *Письмо было прочитано мальчиком*, (2) др.-кит. а) *Чжэнь хань й пò сян лян цзюнь* «Чжан Хань разбил армию Сян Ляна» → б) *Цзюнь сян лян цзюнь пò* «Ныне армия Сян Ляна разбита»; (3) индонез. а) *Pasukan datang ke kota* «Войска приходят в город» → б) *Pemerintah men-datang-kan pasukan ke kota* «Правительство вводит войска в город». Такие конструкции образуют оппозиции, аналогичные оппозициям фонологических и морфологических единиц (напомним, что, по мысли А. А. Холодовича, «оптимальные» глагольные конструкции, или конфигурации, представляют собой языковые единицы в сосюровском смысле [15, с. 237]). В этих конструкциях употребляются либо разные категориальные формы одного глагола, см. (1), либо исходный глагол и его однокоренной дериват, см. (3), либо одна и та же глагольная форма, см. (2). Таким образом, разные члены одной синтаксической оппозиции выражают специфические значения одного категориального признака, что маркируется и в морфологии глагола, и в формах его окружения и/или в линейной структуре конструкции.

Выбор в качестве объекта исследования глагольных конструкций, связанных трансформационными и деривационными отношениями, по существу определил и круг вопросов, на которые было необходимо получить ответы в процессе исследования. Вот их примерный перечень. Какие типы категориальных значений реализуются в синтаксических оппозициях глагольных конструкций? Можно ли составить своего рода каталог таких значений («библиотеку смыслов», как часто говорил А. А. Холодович)?

⁸ А. А. Холодович не прибегал к понятиям синтаксической трансформации и деривации, предпочитая говорить об «обращении» и «преобразовании» конструкций. В работах группы понятия трансформации и деривации не имеют формального определения, как это делается в генеративной грамматике. Они понимаются как парадигматические отношения конструкций, аналогичные словозменению и словообразованию в морфологии.

Будет ли этот каталог включать только универсальные значения или также значения, специфичные для языков разного строя или, может быть, разной генетической принадлежности? Можно ли выявить закономерности формальной организации конструкций, выражающих определенное грамматическое значение, и установить типологию формальных средств, используемых для его выражения? Эти вопросы и составили конкретную теоретическую программу группы типологических исследований, в соответствии с которой были исследованы каузатив, залог (актив/пассив), рефлексив и реципрок, объединенные в категорию референтности, результатив, глагольная множественность (мультипликатив/дистрибутив/итератив), императив, а также значения непредикатных глаголов (отрицательные, аспектуальные, темпоральные, пассивные, бенефактивные, модальные, таксисные, каузативные), которые функционально сближаются с содержательными грамматическими категориями знаменательных глаголов.

О том, как теоретическая программа реализуется в конкретных исследованиях, можно судить уже по первой коллективной монографии группы «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив» [17]. Прочитируем в качестве примера начало главы, посвященной чукотскому языку: «Каким образом в чукотском языке разграничиваются значения типа „упасть“ и „уронить“, или, в более общем виде, значения „состояния“ (s) и „каузированного состояния“ (ks), выражаемые глаголами V_i и V_j ? Исследование текстов и эксперимент показывают, что разграничение указанных значений осуществляется либо на уровне „корней“ и уровне флексий одновременно, либо на уровне аффиксов и уровне флексий одновременно, либо только на уровне аффиксов, либо только на уровне флексий» [17, с. 260—261]. Если иметь в виду, что значения «состояния» и «каузированного состояния» анализируются в главе в рамках соотносительных некаузативной и каузативной конструкций, то из приведенной цитаты следует, что исследование чукотского каузатива полностью отвечает научной программе группы.

Нелишнее, видимо, подчеркнуть, что типологическое изучение категориальных значений опирается на гипотезу, в соответствии с которой такие значения, как, например, каузативное, императивное и т. п., выражаемые в разноструктурных языках, являются либо полностью семантически тождественными, либо имеют непринципиальные семантические отличия. Именно общность семантики создает необходимую базу для типологического анализа одноименных глагольных категорий (каузатив, результатив, императив и т. п.) в различных разноструктурных языках. Только разделяя эту гипотезу, можно серьезно думать о создании библиотеки универсальных смыслов, разумеется, располагая в этих целях специальным семантическим языком.

В основном в группе изучались такие категориальные значения, которые выражаются либо непосредственно в глаголе, либо в элементах предложения, реализующих его обязательную валентность. В соответствии с этим подходом из двух ситуативно синонимичных каузативных предложений (4) *Дождь вынул нас остаться дома* и (5) *Мы остались дома из-за дождя* в сферу исследования попадает только первое. Однако указанный принцип, ставящий определенный формальный барьер, был нарушен или, если угодно, преодолен в коллективной монографии «Типология итеративных конструкций» [18], где анализировалась «несинтаксическая» (по Пешковскому) категория множественности ситуаций. Основная цель этой работы заключалась в том, чтобы, двигаясь от смысла к форме, установить те грамматические, лексические и контекстуальные сред-

ства, которые используются в предложении для выражения частных значений множественности: итератива, мультипликатива и дистрибутива как в одном и том же, так и в различных языках. Иными словами, в этой работе при описании итератива, мультипликатива и дистрибутива никакие структурные ограничения в расчет не принимаются. Так например, при регистрации формальных способов выражения итеративного значения учитываются и тот случай, когда это значение выражается редупликацией глагольной основы — ср. (6) чамал. *uw usba wo?i?ida* «Он к-нам часто ходит», и тот случай, когда это значение выражается итеративным обстоятельством — (7) *Мой ребенок в последнее время часто болеет*.

Типологическая ориентация исследования категориальных значений создает стереоскопический эффект, позволяющий выделить и описать как универсальные, так и специфические компоненты значений каждой категории в конкретном языке и, кроме того, выделить существенный для типологии набор тех формальных характеристик, которые связаны с выражением значений данной категории как в одном и том же, так и в разных языках.

Изучавшиеся категории, предположительно входящие в искомый универсальный каталог, логически неоднородны и различаются по степени абстрактности, по синтаксическим импликациям, по коммуникативной роли в предложении. Наиболее конкретные категориальные значения могут быть истолкованы с помощью лексических средств. Например, «каузировать» = «делать так, чтобы», «результатив» = «состояние, наступившее в результате предшествующего действия». Такие истолкования, по-видимому, исключаются для более абстрактных залоговых значений. И активная конструкция типа (8) *Водитель открывает дверь*, и пассивная конструкция типа (9) *Дверь открывается водителем* обозначают одну и ту же денотативную ситуацию, а суть залоговой оппозиции сводится к тому, что актив и пассив выражают разные диатезы, т. е. разные соответствия между семантическими ролями — участниками ситуации, называемой глаголом, — и синтаксическими единицами — актантами (= членами предложения), обозначающими эти семантические роли. В разных языках с активной и пассивной диатезами оказываются сцепленными определенные аспектуальные, модальные, коммуникативные значения, но значение залоговых форм остается одним и тем же в любом языке: каждая из них обозначает определенную диатезу. Заметим, между прочим, что изменение диатез не всегда маркируется с помощью категории залога. Это обстоятельство подчеркнул еще А. А. Холодович, анализируя соотносительные активную и пассивную конструкции древнекитайского языка (10) *Ян ша Пан* «Ян убил Пана» и (11) *Пан 'ша юй-Ян* «Пан убит Яном», у которых нельзя усмотреть залоговых различий [15, с. 277]. Исчисление формальных способов маркирования диатез недавно было предложено в работе В. С. Храковского [19].

Если диатезы, маркируемые залоговыми формами актива и пассива, представляют собой соответствия двух рядов соотносительных единиц: семантических и синтаксических, то диатезы, маркируемые формами рефлексива и реципрока, традиционно относимыми к категории залога, дополнительно включают ряд референционных единиц, что позволяет вывести эти формы за пределы категории залога и объединить в рамках самостоятельной категории референтности. Рефлексивный глагол *бриться* отличается от нерефлексивного глагола *брить* тем, что его семантические роли агенс и пациенс кореферентны и соотносятся с одним актантом. Аналогичным образом реципрокный глагол *целоваться* отличается от не-

реципрокного глагола *целовать* тем, что в его диатезе два референта выполняют одновременно по две роли, агенса и пациенса, и при этом каждый из референтов соотносится с двумя различными актантами. Итак, корелативность можно считать общим свойством рефлексива и реципрока в разных языках, которое в различных конкретных языках может сопровождаться регулярными изменениями значения: франц. *jeter* «бросать» → *se jeter* «бросаться» (моторный рефлексив), *expliquer* «объяснять» → *s'expliquer* «объясняться», т. е. «объяснять свои чувства, поведение» (посесивный рефлексив) [20, с. 238].

Изучение категориальных значений потребовало решения и некоторых других, хотя и второстепенных, но достаточно важных синтаксических, семантических и прагматических задач. Так, многие из анализируемых категорий оказались тесно связанными с синтаксической валентностью глагола. В частности, при изучении каузатива выяснилось, что эта категория связана с повышением валентности. Иными словами, синтаксическая валентность каузативного деривата обычно на единицу больше, чем у исходного некаузативного глагола. Ср.: чуваш. *вил-* «умереть» (одновалентный глагол) → *вил-ер-* «убить» (двухвалентный глагол) → *вил-ер-ттер* «велеть убить» (трехвалентный глагол).

В свою очередь рефлексив и реципрок связаны с понижением валентности. Это значит, что синтаксическая валентность рефлексива и реципрока в стандартных случаях на единицу меньше, чем у исходного глагола. Ср.: *брить* (двухвалентный глагол) → *бриться* (одновалентный глагол), *целовать* (двухвалентный глагол) → *целоваться* (одновалентный глагол).

Что касается пассива, то он связан в ряде случаев с ослаблением валентности. Иными словами, одна из синтаксических валентностей пассива, а именно валентность на агентивное дополнение, часто является необязательной. Ср.: (12) *Грабитель сломал дверь* → (13) *Дверь была сломана (грабителем)*.

Анализ явлений, связанных с изменением валентности, позволил внести коррективы в понятийный аппарат валентностной теории. В коллективной монографии «Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами» [21] было предложено «все семантические элементы, которые обладают обязательными валентностями, или открывают места для других семантических элементов, называть функциями» [21, с. 15]. Места, открываемые функциями, могут занимать либо функциональные переменные, либо нефункциональные, иначе предметные переменные. Особо была отмечена важная роль при классификации функций их первых двух валентностей. С учетом этой роли в отдельный класс были выделены функции, первые две валентности которых не могут быть пропозиционными. Именно эти функции и только их было предложено называть предикатами. При таком подходе к предикатам относятся и функции типа *спать*, *сидеть*, *давать*, все места которых заняты предметными переменными, и функции типа *благодарить*, *награждать*, которые обладают валентностями на пропозиционные переменные, занимающие, однако, места не выше третьего.

Как известно, описание языка может моделировать либо языковую компетенцию говорящего, либо языковую компетенцию слушающего. В первом случае описание идет в направлении от смысла к форме, во втором случае описание идет от формы к смыслу. В принципиальном плане типологическое описание является описанием первого типа, ибо исследователя прежде всего интересует, как некоторое категориальное значение выражается в различных конкретных языках. Вместе с тем для типо-

логии представляет интерес в известном смысле противоположная задача, а именно установить эмпирические пределы семантической неоднозначности грамматических показателей изучаемых категорий. При таком подходе исходным объектом исследования служит грамматический показатель с определенным значением, а цель исследования заключается в том, чтобы установить, какие другие значения могут быть присущи этому показателю, случайна ли обнаруженная комбинация значений или же она не случайна и в принципе можно прогнозировать допустимые комбинации определенных значений. Эта задача с той или иной степенью подробности решалась в ряде коллективных монографий группы, начиная с первой — «Типология каузативных конструкций» [17], где было показано, что каузативные морфемы могут выражать и другие значения, которые либо комбинируются с каузативным значением, либо вытесняют его. В качестве иллюстрации первого случая можно привести инструментально-каузативное значение, когда показатель обозначает, что субъект использует для определенного действия какой-нибудь предмет (как бы „заставляя“ его действовать), например: ...индонез. *gosok* „тереть“ → *gosok-kap* „тереть чем-л.“» [17, с. 37]. В качестве иллюстрации второго случая можно привести бенефактивное значение, когда показатель обозначает, что действие выполняется в интересах некоторого лица, например, индонез. *tembeli* «покупать» → *tembeli-kap* «покупать для кого-л.». Результаты проведенных исследований подводят к мысли, что значения, выражаемые изучаемыми формальными показателями, «по-видимому, не выходят в основном за определенные смысловые пределы» [17, с. 35].

Важный аспект семантики, которому постоянно уделяется внимание в работах группы, — дифференциация исследуемых категориальных значений. Так, например, каузативное значение подразделяется на фактивное и пермиссивное. В первом случае импульс каузации исходит от каузатора: (14) *Я велел ему прийти*. Во втором случае импульс каузации исходит от каузируемого субъекта: (15) *Я разрешил ему прийти*.

На двух уровнях осуществляется дифференциация значения неопределенной множественности ситуаций. На первом уровне в рамках исчисляющей классификации неопределенное множество ситуаций делится на мультипликатив: (16) *Больной кашлял всю ночь*, дистрибутив: (17) *За неделю лисица перетаскала соседских цыплят* и итератив: (18) *Мальчик каждый год ездит к бабушке*. Этим значениям дается относительно строгое толкование.

Mult [$P(X, Y, \dots, Z)$] = «имеет место неоднократное осуществление ситуации $P(X, Y, \dots, Z)$; во всех повторяющихся ситуациях представлены тождественные наборы актантов; повторение происходит в один период времени T (который может включать момент речи или любую точку отсчета)».

Distr [$P(X, Y, \dots, Z)$] = «имеет место неоднократное осуществление ситуаций $P_1, P_2, \dots, P_n$, отличающихся от ситуации $P(X, Y, \dots, Z)$ тем, что каким-либо одним и тем же актантом/сирконстантом каждой P_i ситуации является один из единичных представителей $x_1, x_2, \dots, x_n / y_1, y_2, \dots, y_n / z_1, z_2, \dots, z_n$ совокупного актанта/сирконстанта $X/Y, \dots, \dots / Z$; повторение происходит в один период времени T (который может включать момент речи или любую точку отсчета)».

Iter [$P(X, Y, \dots, Z)$] = «имеет место неоднократное, относительно регулярное осуществление ситуации $P(X, Y, \dots, Z)$; во всех повторяющихся ситуациях представлены тождественные наборы актантов; каждая

повторяющаяся ситуация происходит в отдельный период времени Т (не включающий момент речи или любую другую точку отсчета), т. е. ситуация Р₁ происходит в период времени Т₁, ситуация Р₂ — в период времени Т₂, ситуация Р_n — в период времени Т_n».

Классификация второго уровня не исчисляющая, а эмпирическая; в рамках этой классификации осуществляется субкатегоризация мультипликатива, дистрибутива и итератива. К разновидностям мультипликатива относятся: 1) альтернатив, обозначающий неоднаправленное движение, например арм. *vaz-vz-el* «бегать туда-сюда»; 2) дупликатив, обозначающий антонимичные действия: чамал. *b-ikuka* «зажигаться и гаснуть» = «мерцать»; 3) раритив, обозначающий большие интервалы между повторяющимися действиями и/или слабый звуковой/зрительный эффект, производимый повторяющимися действиями: селькуп. *lär-t-utruqo* «хлопать время от времени»; 4) сепетив, обозначающий небольшие интервалы между повторяющимися действиями и/или сильный звуковой/зрительный эффект, производимый повторяющимися действиями: индонез. *mengg-el-egar* «сильно грохотать»; 5) делимитатив, обозначающий, что повторение действий осуществляется в ограниченно длительный период времени: тоф. *кыла-с — кыла-с кын-* «посверкать»; 6) дуратив, обозначающий, что повторение действий осуществляется в неограниченно длительный период времени: индонез. *mencicit-cicit* «пищать долго».

В зависимости от того, какой актант является совокупным, среди дистрибутивов различаются: 1) субъектный дистрибутив: *по-падать*; 2) объектный дистрибутив: *пере-ломать*; 3) адресатный дистрибутив: *раз-дать*.

Среди частных значений итератива отметим: 1) дисконтинуатив, обозначающий, что интервалы между повторяющимися ситуациями больше нормы: (19) татар. *Фарид кинога бар-гал-п торды* «Фарид в кино иногда ходил»; 2) фреквентатив, обозначающий, что интервалы между повторяющимися ситуациями меньше нормы: (20) япон. *Кокова ари-цукэтэ-иру мити-да* «Это часто-хожу дорога-есть» = «Это дорога, по которой я часто хожу»; 3) узитатив, обозначающий, что ситуации повторяются с некоторой эмпирически наблюдаемой вероятностной закономерностью: (21) *Мы обычно отдыхаем в деревне*.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что в центре внимания практически всех коллективных монографий, подготовленных в группе, выступают значения какого-либо категориального признака, которые реализуются в семантически и формально противопоставленных синтаксических конструкциях, связанных трансформационными или деривационными отношениями. Что касается формальных средств выражения этих значений, то они каталогизируются и в ряде случаев либо самостоятельно, либо с учетом некоторых семантических свойств используются для типологической классификации языков. Например, в монографии «Типология итеративных конструкций» описываемые языки делятся на три группы в зависимости от формальных особенностей средств, используемых для выражения мультипликатива, дистрибутива и итератива. В одну группу вошли языки (алеутский, эвенкийский и др.), в которых используются специализированные грамматические средства для выражения указанных значений. Другую группу составили языки (например, эве, литовский), в которых используются как специализированные, так и неспециализированные грамматические средства для выражения итератива. Третья группа включает языки (например, армянский, кхмерский), в которых для выражения итератива в основном используются лексические средства.

В монографии «Типология результативных конструкций» исследуемые языки делятся на пять групп. В одну группу вошли языки (например, китайский, нивхский), для которых характерен объектный результатив с конкретно-результативным значением. В следующую группу вошли языки (например, русский, литовский), в которых объектный результатив имеет общерезультативное значение и при этом результатив формально совпадает с пассивом. В третьей группе представлены языки (например, немецкий, армянский), в которых объектный результатив также имеет общерезультативное значение, но пассив либо отсутствует, либо пассив и результатив представлены полностью или частично различающимися формами. Четвертую группу составляют языки (например, эвенкийский, грузинский), в которых есть две формы объектного результатива: одна имеет конкретно-результативное значение, а другая — общерезультативное, и при этом эта форма формально совпадает с пассивом. В пятую группу, в которой объектного результатива нет, входит только один язык фула.

Такие нестрогие классификации в основном носят регистрирующий характер. Исследований, в которых бы вскрывались причины, детерминирующие распределение определенных языков по определенным группам, пока еще не проводилось, хотя важность их не подлежит никакому сомнению.

Еще одна семантическая проблема, которая, не будучи профилирующей, тем не менее затрагивается в работах группы, — это проблема семантической классификации глаголов. Дело в том, что глагольная семантика может либо способствовать, либо препятствовать реализации определенного категориального значения. Так, в коллективной монографии «Залоговые конструкции в разноструктурных языках» [20] было, в частности, показано, что «возможность образования пассивной диатезы прежде всего определяется значением глагольной лексемы. Больше других иметь эту диатезу „предрасположены“ глагольные лексемы ... обозначающие конкретные физические действия субъекта с объектом, имеющие следствием эксплицитно наблюдаемые результаты. Таковы, например, предельные глаголы (типа открывать, строить, убивать и т.п.), составляющие значительную часть глагольной лексики любого языка» [20, с. 8].

«Нулевыми потенциями пассивного преобразования в различных языках обладают глаголы „не-действия“, к числу которых относятся, например, глаголы меры (*стоять, весить*), наличия и содержания (*иметь, владеть, содержать, вмещать*), отношения (*соответствовать, превосходить*)... Глаголы физического действия и глаголы не-действия по своим потенциям к пассивному преобразованию как бы относятся к двум полюсам, между которыми располагаются другие смысловые группы глаголов (например, глаголы отчуждения и присвоения, речи, восприятия, глаголы интеллектуальной, эмоциональной и психической деятельности, движения и положения в пространстве и др.), которые в различных языках либо употребляются в пассивной конструкции, либо нет» [20, с. 9].

Подобные наблюдения имеют эвристическую ценность, поскольку предсказывают вероятность наличия аналогичных свойств у глаголов со сходной семантикой в еще не обследованных языках.

Рассмотрим исследовательские принципы и приемы работы с материалом, которые «взяты на вооружение» сотрудниками группы типологических исследований. Несколько упрощая реальное положение вещей, исследовательский процесс можно разделить на три этапа. На первом этапе происходит «первоначальное накопление» эмпирического материала. Ав-

торы конкретных глав будущей коллективной монографии работают с письменными текстами, пользуются помощью информантов, составляя картотеку примеров, в которых представлены формы, выражающие изучаемые значения. Иначе говоря, создается корпус примеров, в котором представлена определенная синтаксическая конструкция, будь то каузативная, пассивная, результативная, императивная и т. п. Одновременно авторы конкретных глав анализируют существующие описания отдельных языков, извлекая всю необходимую информацию. После того, как материал собран, анализу подвергаются синтаксические конструкции, образующие грамматическую оппозицию, например, активная и пассивная, с тем, чтобы самым тщательным образом зафиксировать их семантические и формальные отличия. Одна из двух сравниваемых конструкций обычно является исходной, базисной, а другая ее производной, иными словами, мы имеем дело с явлениями деривационного синтаксиса. Однако иногда сравниваемые конструкции оказываются равноправными, т. е. ни одну из них нельзя считать ни исходной, ни производной. Именно такая ситуация характерна для активной и пассивной конструкции в яванских языках (подробнее см. [22, с. 251—258]).

Заметим, что проводимые в группе исследования являются установочно синхроническими, что накладывает соответствующие ограничения на отбор эмпирического материала, при этом ограничений на выбор какой-либо одной формы существования языка нет. Например, в монографии «Типология результативных конструкций» отдельные разделы были посвящены русскому литературному языку и русским говорам.

Из сказанного следует, что на первом этапе проводится необходимая подготовка к последующему типологическому исследованию, которое составляет второй этап работы. На этом этапе серьезную работу выполняют авторы концептуальных глав, открывающих каждую коллективную монографию. Учитывая данные, собранные на первом этапе авторами конкретных глав, а также всю необходимую литературу, авторы-теоретики строят универсальное смысловое определение исследуемой категории, которое не зависит от формальных особенностей конкретных языков. В основу этого определения положен относительно небольшой набор исходных понятий и операций семантико-синтаксического плана. Идеальными представляются такие определения, которые позволяют строить исчисляющие классификации изучаемой категории. Особенность исчислений состоит в том, что базу их составляют диагностические признаки, комбинаторика значений которых исчерпывает все теоретические возможности реализации изучаемой категории. Исчисления моделируют потенциальные особенности языковой системы, тогда как в конкретных языках обычно реализуется лишь часть логических возможностей, предусмотренных исчислением. Иными словами, исчисления объясняют и наблюдаемые факты, и факты, которых в данном языке или вообще в языках нет, но в принципе могли бы быть. Исчисления важны как для типологического, так и для конкретно-языкового описания категорий, поскольку некоторые логические возможности, предусмотренные исчислением, могут не соотноситься с формальными парадигматическими системами конкретного языка и потому не учитываться в традиционном описании. Исчисляющие классификации были использованы при описании залога, множественности, императива [23, 18, 24].

Ко второму этапу относится и составление анкеты, включающей те вопросы, на которые должен отвечать исследователь данной категории в конкретном языке. Наличие анкеты с постоянным порядком следования

вопросов предопределяет стандартную форму описания, хотя, разумеется, в конкретных описаниях могут отсутствовать ответы на некоторые вопросы анкеты, что связано с типологическими особенностями данного языка. Если в первых коллективных монографиях группы анкета существовала, так сказать, в имплицитной форме, то впоследствии анкета начинает оформляться эксплицитно, см. например [25].

Важный момент, на который хотелось бы обратить внимание, состоит в следующем. У каждой концепции, у каждого исчисления, у каждой анкеты есть конкретные авторы, которые несут за них полную ответственность. Однако реально в их создании участвует весь авторский коллектив, поскольку все они неоднократно обсуждаются на заседаниях группы и фактически являются плодом коллективного разума. Именно это обстоятельство и позволяет авторам конкретных глав в коллективных монографиях на третьем заключительном этапе исследования строить конкретные описания в полном соответствии с концептуальными установками, выработанными на предыдущем этапе исследования. На заключительном этапе мы совершаем восхождение от абстрактного к конкретному, но по сравнению с первым этапом описание оказывается цельным, системным, концептуально обоснованным, и при этом допускает сравнение с другими языками, описание которых проведено на той же основе.

Нелишне, видимо, заметить, что деление исследовательского процесса на три этапа является скорее логическим, чем временным, ибо в конкретной работе авторы нередко могут одновременно решать задачи, относящиеся к разным стадиям исследования.

Завершая наши заметки, мы хотели бы подчеркнуть, что для группы характерен свой подход, своя методика исследования, достоинства которых можно усмотреть в том, что, независимо от избираемого объекта исследования, от степени его изученности, удается получать новые результаты, важные как для типологии, так и для описаний конкретных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джек Л. Универсальная грамматика и школа Холодовича // ВЯ. 1987. № 5.
2. Macháčková E., Daneš F. // Sas. 1975. V. 36. No 3. Rec.: Sovetska práce o typologii pasivních konstrukcij.
3. Veyrenc J. // BSLP. 1975. T. 70. No 2. Rec.: Tipologia passivnych konstrukcij (diatezy i zalogi). Leningrad, 1974.
4. Babby L. H. // Language. 1976. V. 52. No 3. Rec.: Tipologija passivnych konstrukcij: diatezy i zalogi.
5. Джек Л. // ВЯ. 1977. № 3. Рец. на кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог. Л., 1974.
6. Шубик С. А. // ВЯ. 1978. № 6. Rec.: Satzstruktur und Genus verbi. Hrsg. von Lotsch R. und Ružička R. B., 1976.
7. Козинский И. Ш. // ВЯ. 1985. № 5. Рец. на кн.: Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект).
8. Krott J. M. The Leningrad group for the typological study of languages // School of Oriental and African studies. L., 1983.
9. Оглоблин А. К., Храковский В. С. А. А. Холодович. Творчество и научная школа // Типология и грамматика. М., 1990.
10. Рытзэу Ю. Путешествие в молодость, или Время красной моршки // Дружба народов. 1989. № 5. С. 19—20.
11. Машинный перевод. М., 1957.
12. Мельчук И. А., Рагич Р. Д. Автоматический перевод. 1949—1963. М., 1967.
13. Азманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М. О точных методах исследования языка. М., 1961.
14. Переводная машина П. П. Троянского. М., 1959.
15. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
16. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

17. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
18. Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
19. Храковский В. С. Маркировка диатез (опыт исчисления) // Всесоюзная конф. по лингвистической типологии: Тез. докл. М., 1990.
20. Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
21. Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983.
22. Оглоблин А. К. О соотношении актива и пассива в языках яванской группы // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
23. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л., 1974.
24. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1980.
25. Храковский В. С. Типологическая анкета для описания побудительных конструкций // Функционально-типологические проблемы грамматики: Тез. научно-практ. конф. Вологда, 12—13 июня 1986 г. Ч. 2. Вологда, 1986.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОЗИНЦЕВА Н. А.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ ГРУППЫ ЗА 30 ЛЕТ

Рассматриваются семь коллективных трудов: Типология каузативных конструкций (Л., 1969); Типология пассивных конструкций (Л., 1974); Залоговые конструкции в разноструктурных языках (Л., 1981); Категории глагола и структура предложения (Л., 1983а); Типология результативных конструкций (Л., 1983б); Typology of resultative constructions (Amsterdam, 1988); Типология итеративных конструкций (Л., 1989).

Приведем список языков, исследовавшихся в коллективных монографиях (в скобках указаны годы публикаций):

- 1) абхазский (1969); 2) алеутский (1988, 1989); 3) английский (1981, 1983а, 1989); 4) арабский (1969, 1983б, 1988, 1989); 5) арчинский (1983б, 1988); 6) армянский (1974, 1981, 1983а, 1983б, 1988, 1989); 7) бацбийский (1969); 8) бирманский (1974, 1981); 9) бурятский (1983б); 10) валлийский (1974); 11) венгерский (1969); 12) вьетнамский (1974, 1981, 1983а, 1989); 13) грузинский (1969, 1983б, 1988); 14) дагестанские языки (1983а); 15) догон (1988); 16) древнегреческий (1974, 1981, 1983б, 1988); 17) древнекитайский (1969, 1974, 1981, 1983а, 1983б, 1988, 1989); (18) индонезийский (1969, 1974, 1981, 1983а, 1983б, 1988, 1989); 19) ительменский (1969, 1989); 20) испанский (1974); 21) кламат (1989); 22) кетский (1983а); 23) кхмерский (1983а, 1989); 24) литовский (1974, 1981, 1983а, 1983б, 1988, 1989); 25) монгольский (1983б, 1988); 26) немецкий (1983б, 1988, 1989); 27) нивхский (1974, 1981, 1983б, 1988); 28) норвежский (1983б, 1988); 29) русский (1983б, 1988, 1989); 30) русские говоры (1983б, 1988); 31) суахили (1969); 32) тагалский (1983а); 33) таджикский (1969); 34) тамильский (1974); 35) татарский (1974); 36) тонга (1988); 37) тюркские языки (1989); 38) узбекский (1983а, 1983б, 1988); 39) финский (1969, 1983б, 1988); 40) французский (1974, 1981, 1983а, 1989); 41) фула (1983б, 1988); 42) хауса (1981, 1989); 43) хинди и урду (1989); 44) чамалинский (1989); 45) чувашский (1969); 46) чукотский (1969, 1983а, 1983б, 1988); 47) эве (1988, 1989); 48) эвенкийский (1983а, 1983б, 1988, 1989); 49) эскимосский (1981, 1983а, 1983б, 1988, 1989); 50) японский (1969, 1974, 1989).

Результаты по уровню общности можно разделить на следующие группы: 1) конкретно-языковые; 2) общезыковые, связанные с разработкой схемы описания (изучения) данной категории в разных языках; 3) общетеоретические, связанные с реализацией нового подхода к изучению языка, углублением общетеоретических представлений о языке, языковом знаке, методе типологического анализа, направлении типологических исследований. Границы между этими уровнями, естественно, нечеткие. Ниже приводятся результаты преимущественно второго и третьего уровней.

Типология каузативных конструкций

Уровень 3: Реализация направления исследования от референтного уровня к грамматическому. Последовательное использование понятия ситуации как элемента языковой семантики («действительность может быть представлена как множество ситуаций или событий», с. 5). Введение и развитие представления об аналогии между деривацией синтаксических конструкций и словообразованием. Включение каузатива в общий механизм изменения валентности глагола. Осмысление каузатива как грамматической категории, воздействующей на структуру предложения. Конкретизация постановки вопроса о соотношении синтаксиса и морфологии.

Уровень 2: Выработка универсальной классификационной схемы каузативных конструкций по ряду признаков: 1) по способу выражения каузации; 2) по служебному или знаменательному характеру каузативной связи; 3) по семантике и частеречной принадлежности каузативной связи. Разработка классификации каузативных глаголов. Классификация элементов окружения каузативной связи — сегментов. Выделение семантических типов каузации. Сводка данных о многозначности каузативных морфем. Сводка данных о полисемии антикаузативных морфем. Разработка программы исследования конкретных каузативных оппозиций в разных языках. Выявление многообразия семантических типов связей каузативных, некаузативных и околокаузативных значений, выявление неоднозначности соотношения каузатива и некаузатива. Выявление несовпадения смысловых областей, покрываемых лексическими и морфологическими каузативными оппозициями в различных языках.

Уровень 1: Классификация структурных типов каузативных конструкций русского языка. Выражение каузативности с помощью порядка слов в древнекитайском языке и мн. др.

Типология пассивных конструкций

Уровень 3: Анализ соотношения между синтаксической структурой предложения и семантикой глагола. Введение двух уровней рассмотрения членов предложения — синтаксис и семантика. Определение понятия языковой ситуации как включающей не только коммуникативную ситуацию, но и отношение говорящего к этой ситуации. Построение грамматической теории залога, опирающейся на понятие синтактики знака. Разработка принципов деривационного синтаксиса и их реализация на языковом материале. Сформулированы признаки, характеризующие исходную конструкцию в терминах соотношения актантов, единиц семантического уровня и референтов, а также введено представление об иерархии семантических и синтаксических понятий. Выявление четырех уровней синонимии синтаксических конструкций: 1) лексикографического толкования глагола, 2) лексем, 3) грамматических значений, 4) коммуникативной рамки.

Уровень 2: Выявление соотношения эргативного и номинативного строя и категорий актива и пассива. Исследование круга значений, выражаемых показателем пассива: 1) состояние предмета, являющееся результатом действия, 2) каузативность, 3) модальные значения (потенциальность), 4) возвратное и взаимное значения, 4) неопределенность, неизвестность, или несущественность субъекта, 5) актуальное членение предложения — тематизация объекта; 7) стилистическое значение. Выделение типов образования пассивных конструкций в зависимости от валентности глагола. Анализ соотношения актива и пассива. Связь ограничений на возможность образования пассива с семантикой актантов. Выявление особенностей семантики видовременных форм в пассивных конструкциях. Выявление условий употребления двучленного пассива.

Залоговые конструкции в разноструктурных языках

Уровень 3: Развитие теории семантической структуры предложения — выделение уровней партиципантов, актантов и референтов. Обобщение понятия диатезы как соответствия между тремя уровнями. Семантическая и синтаксическая классификация актантов. Переориентация приоритетов морфологических и синтаксических понятий в практике описания рефлексива и реципрока.

Уровень 2: Обоснование грамматического статуса рефлексива, реципрока и декаузатива как отдельных от залога грамматических категорий. Синтаксическая и семантическая классификация рефлексивных и реципрокных конструкций. Деление языков на группы по рецессивности/нерецессивности рефлексива: 1) армянский, греческий, литовский, нивхский (рецессивный); 2) бирманский, вьетнамский, индонезийский, китайский (нерецессивный); 3) русский, французский (рецессивный и нерецессивный).

Категории глагола и структура предложения

Уровень 3: Развитие теории пропозиции и рамки. Классификация функциональных глаголов. Обоснование включения в сферу грамматического исследования строевой лексики. Преодоление морфологического подхода к грамматике. Развитие предпосылок для выработки единого языка для описания грамматики и лексики. Углубление представления об асимметричном дуализме языкового знака на примере асимметрии синтаксической и семантической структуры предложения с фазовыми глаголами. Развитие деривационного подхода к описанию языковых фактов при изучении способов оформления предикатных актантов.

Уровень 2: Описание специфических особенностей функторных глаголов в отдельных языках. Выделение смысловых классов предикатноактантных глаголов и установление их неглагольных соответствий в языках различных типов.

Типология результативных конструкций Typology of resultative constructions

Уровень 3: Постановка вопроса об изучении одноименных грамматических категорий в разных языках (результатив, перфект, пассив), анализ их общих и специфических особенностей. (Если в предшествующих работах речь шла о типологии языков по способу выполнения ими общего смыслового задания, то в этой и в последующих работах сама «общность

смыслового задания» является предметом специального анализа.) Установление генетических связей между результатом и перфектом в индоевропейских языках.

Уровень 2: Выделение семантических категорий результата и ста- тива. Установление их соотношения с перфектом и перфективом. Клас- сификация языков по наличию специальных/совмещенных форм, выра- жающих перфект, результатив и статив. Исчисление специфических осо- бенностей результата и классификация языков по наличию результа- тива с этими особенностями. Выделение диатезных типов результата: субъектный, объектный, посессивный, косвенно-объектный, субъектно- имперсональный, объектно-имперсональный. Изучение структурных ти- пов форм результата. Типы соотношения результата, видовременных и залоговых форм; классификация языков по типу соотношения ука- занных форм и т. д.

Типология итеративных конструкций

Уровень 3: Вовлечение в синтаксический анализ традиционно морфо- логической или лексической проблематики. Исчисление системы значений множественности действия и разработка терминологии. Группировка языков на три типа по характеру выражения значения множественности.

Уровень 2: Обоснование тезиса о том, что аспектуальные значения характеризуют не только предикат, но все предложение. Выявление связи типов множественности действия и средств их выражения с типами гла- гольных предикатов. Анализ видовременных систем ряда языков с точки зрения выражения множественности. Установление универсальных связей между лексическим типом предиката и возможностью/невозможностью его квантификации (счета, итератива). Установление связей между мно- жественностью и ирреальностью (в русских конструкциях с формами на- стоящего-будущего СВ, англ. формы с *would*), множественностью и так- сисом. Разработка вопроса о связи категорий имени и глагола при выра- жении множественности действия — участие числа имени, категории опре- деленности / неопределенности, местоименных кванторных слов в выра- жении значений множественности действия.